

Ко мне постоянно обращаются различные лица, которые просят меня высказать свое мнение об изданной в Институте этнологии и антропологии РАН в Москве в 1997 г. книге Г.А. Леонтьевой о Владимире Атласове*. К сожалению, я ее впервые прочитал лишь в июне 2000 г. Я надеялся найти ее в питерских библиотеках, но там она отсутствовала. Мои обращения в Московский институт этнологии и антропологии, где она была издана, долгое время оставались безрезультатными, даже после личного обращения в институт в сентябре 1999 г. И только в июне 2000 г. сотрудница института Л. Иванова любезно прислала мне ксерокопию этой книги, и я теперь впервые оказался способным ответить тем, кто уже давно хотел услышать мое мнение об этой книге.

Уже предисловие к книге кандидата исторических наук В.А. Липинской производит довольно странное впечатление.

До сих пор мы считали, что первый выход русских на Тихий океан был связан с историческим походом казака Ивана Москвитина, когда он и его спутники в августе 1639 г. первыми по реке Улье достигли Охотского моря, там основали свое самое первое на Дальнем Востоке русское зимовье, создали первую верфь (плотбище), построили два русских морских судна (коча) и в навигацию 1640 г. пошли морем на юг в район устья Амура. Теперь это событие почему-то связывается с именем Владимира Атласова, который ни разу (в отличие от Москвитина) никогда не плывал по морю, а на Камчатке даже не дошел до Авачинской губы, которая впервые была открыта русскими только в 1703 г. без какого-либо участия Владимира Атласова, тогда находившегося под следствием в Якутске.

С немалым удивлением мы прочитали, что Атласов будто бы "составил первую карту Камчатки, благодаря чему народы Европы узнали о существовании полуострова", хотя давно уже достоверно известно, что европейские географы провели о Камчатке еще за несколько лет до того, как туда отправился Атласов. В этом легко можно убедиться, познакомившись с детальной картой Татарины Николааса Витсена "1687" (1690) г., которая воспроизводится в недавно изданном историко-географическом атласе "Камчатка XVII - XX вв." (с.17).

Из предисловия Липинской мы неожиданно узнаем, что Леонтьева сделала "много открытий", впервые будто бы опубликованных в ее книге об Атласове.

Но так ли это? Давайте критически рассмотрим перечень 9 "открытий", которые перечисляет нам В.А. Липинская:

"Открытие" первое: "Уточнена дата рождения В. Атласова". Напомню, что этот вопрос был нами детально рассмотрен еще в нашей статье 1963 г. (Изв. АН СССР, Сер. геогр., 1963, N 5) "Новые биографические сведения о Владимире Атласове", а также в статье "Новое о Владимире Атласове" (в журн. "Дальний Восток", 1976, N 4) или в камчатском "Норд-Ост"

1984 г. и еще более подробно в нашей второй части двухтомника "Новое об открытии Камчатки" в 1997 г. В этих работах действительно было внесено очень серьезное уточнение даты рождения Владимира Атласова. Вспомните, М.И. Белов утверждал, что Владимир Атласов будто бы родился в 1636-1637 гг., а И.И. Огрызко датой рождения Владимира Атласова считал 1652 г. Я же в своих статьях впервые указал, что на самом деле он родился значительно позже, "в начале 60-х гг. XVII века". Теперь Г.А. Леонтьева в одном случае пишет, что год его рождения "не установлен" (с.42), в другом, не приводя убедительных доводов, "1660-1661 гг.", т.е. по существу повторила мою точку зрения.

Второе "открытие": Леонтьева опять, не приводя никаких новых документов, объявила местом рождения Владимира Атласова город Соль Камская. Но еще до нее

Леонтьевой не выдерживает критики. Владимир Отлас давно уже имел в Якутске свой дом и в нем-то и родились все его три сына.

Теперь о четвертом "открытии": "...как произошло изменение фамилии Отлас к Атласову". Это мною было прослежено еще до 1963 г. по якутским окладным книгам. И тут опять же ничего нового нет. Фамилия Отлас исчезла из окладных книг после 1682 г. Фамилия Владимира Владимировича (или "Володимера Володимеровича") сперва чаще всего писалась через "О" - "Отласов", почему охотвед В.Н. Скалон даже предлагал Атласова переименовать в Отласова. Еще в конце XVII в. она уже иногда стала писаться через "А" и лишь в начале XVIII в. фамилия землепроходца стала обычно писаться через "А".

Пятое "открытие" Леонтьевой: она будто бы первой установила "новый источник интереса к Камчатке". Но,

носительные первооткрытие Камчатки. Теперь уже хорошо известно, что никогда Федот Алексеев не смог побывать на Камчатке. Давно об этом знают все серьезные историки наших дней. А.И. Андреев отрицал возможность появления на Камчатке погибшего на южном берегу Анадырского лимана Федота Алексеева. Я тоже неоднократно критиковал эту несостоятельную точку зрения. То же самое вполне обоснованно делал и покойный камчатский краевед Вячеслав Кусков. Вспомним его известную статью "Был ли Федот Алексеев Попов на Камчатке?" (см. Вопросы географии Камчатки. Вып. IV. Петропавловск-Камчатский), а также в ряде других статей и в хорошей монографии о Дежнев-американского историка Реймонда Фишера (1981 г.). Между тем Леонтьева опять тянет нас к давно уже опровергнутым домыслам И.И. Огрызко, А.И. Алексеева, И.М. Забелина и

Начну с выдумки о происхождении прозвища Отлас. Подобно тому, как Иван Камчатой получил свое прозвище явно от материй камчатка. Как видно из описей казачьих "статков", в Восточной Сибири в связи с близостью к Китаю казаки часто приобретали самые разнообразные китайские шелковые ткани, среди них камчатки и атласы. Но Леонтьева не хочет принять это простое объяснение и встает на путь псевдонаучных размышлений. Она утверждает (с.32): "Вряд ли название богатой шелковой ткани

имело кое-либо сопричастие к прозвищу Владимира Тимофеевича. Скорее всего, своим прозвищем он был обязан названию того грубого непромокаемого вошеного холста, из которого простые люди имели свою "спецодежду". Возможно, что на родине семьи Владимира Тимофеевича занимались производством такой одежды". Как не вспомнить А.И. Алексеева, который с немалым aplomb утверждал, что-де простые казаки никак не могли иметь дорогие ткани. Однако в вещах казаков уже в те времена было немало легких шелковых тканей, которые попадали на север из Приамурья и других южных мест. Первые шелковые ткани поступили из Приамурья в Якутск в начале ноября 1645 г., когда туда вернулся Микула Тимофеев, брат второго Тимофеева, погибшего на Зее во время похода Василия Пояркова, и привез своим родственникам Тимофеевым как "статки" брата, так и различные подарки из Приамурья, в том числе и южные ткани. Вероятно, потому один из якутских Тимофеевых получил прозвище Отлас, что был поверстан в казаки. Был ли он уроженцем камского Усоляя, как полагали М. Белов и Г. Леонтьева, пока остается неустановленным. Но на Тихий океан и на Охоту он уже ходил под своим прозвищем Отлас. Все это еще более подрывает доверие сразу ко многим другим домыслам Леонтьевой. Для Москвы Владимир Отлас, получивший хорошее представление о разных южных районах Дальнего Востока, становился хорошим информатором. Поэтому он и был вскоре послан в столицу и туда он поехал кратчайшим путем на большом расстоянии от Соли Камской. Думать, что там была у него молодая русская жена, может только фантазер. А сколько таких домыслов у Леонтьевой от-

носительные первооткрытие Камчатки. Теперь уже хорошо известно, что никогда Федот Алексеев не смог побывать на Камчатке. Давно об этом знают все серьезные историки наших дней. А.И. Андреев отрицал возможность появления на Камчатке погибшего на южном берегу Анадырского лимана Федота Алексеева. Я тоже неоднократно критиковал эту несостоятельную точку зрения. То же самое вполне обоснованно делал и покойный камчатский краевед Вячеслав Кусков. Вспомним его известную статью "Был ли Федот Алексеев Попов на Камчатке?" (см. Вопросы географии Камчатки. Вып. IV. Петропавловск-Камчатский), а также в ряде других статей и в хорошей монографии о Дежнев-американского историка Реймонда Фишера (1981 г.). Между тем Леонтьева опять тянет нас к давно уже опровергнутым домыслам И.И. Огрызко, А.И. Алексеева, И.М. Забелина и

Липинская вспоминает о походе Василия Кузнецова, который в 1688 г. пытался "морем добраться к Камчатке" (с.60). При этом она добавляет: "Однако поход оказался неудачным. Чукчей не нашли, в пути казаки терпели голод и лишения". На самом деле чукчи были найдены, а 6 декабря 1688 г. они перебили всех русских мужчин. Но, к счастью, среди них не было Атласова. Просто здесь Леонтьева перепутала два русских похода - Василия Кузнецова 1688 г. и более поздний - поход Чернышевского. Такова уж невероятная небрежность Леонтьевой как историка.

Мною давно уже в "Якутском архиве" (т. IV, 1972) была опубликована статья "Дело о "бунте" в Якутске в 1690 г.", которое было сфабриковано против казаков, ложно обвиненных в намерении бежать из Якутска на плотках (!) на Анадырь и Камчатку. Леонтьева игнорировала эту статью и постаралась выдать этот искусственно состряпанный "заговор" казаков за нечто достоверное, а пострадавшие от этой гнусной лжи казаки Ивана Гольгина она объявила организатором нового похода на Камчатку 1691 г. потому что она поверила фантазии М.И. Белова (на самом деле М. Гольгин смог стать участником похода Л.С. Мороско только в 1695 г.).

От Леонтьевой мы вдруг узнаем, что "Витсен (надо Витсен)", вернувшись из русской столицы, будто бы сразу же в 1705 г. опубликовал в Голландии "скаску" Атласова. Но Витсен был в Москве только раз в четыре месяца, в 1665 г., когда, естественно, никаких камчатских "скасок" Атласова не было. На самом деле Витсен их текст получил по почте от руководителя Посольского приказа Андрея Винуиса.

Приведенные здесь грубые ошибки особенно досадны потому, что в своих аспирантских научных работах Г.А. Леонтьева их не допускала. Иным положением стало после того, как она вступила на путь публикации научно-популярных книг.

Б.П. ПОЛЕВОЙ, доктор исторических наук

КАК ПИШУТСЯ БИОГРАФИИ

М.И. Белов первым нашел документ, который позволил ему сделать вывод, что Соль Камская была родиной Владимира Отласа, а поскольку он воедино соединил биографии отца и сына, он и стал ложно первым утверждать, что Владимир Атласов родился в Усолье на Каме. Но Владимир Атласов родился, когда его отец уже жил в Якутии. Поэтому нет оснований считать Усолье на Каме родиной Владимира Владимировича Атласова.

Далее Липинская хвалит Леонтьеву за третье "открытие": "определены родители землепроходца". Но сама Леонтьева признала, что отец Атласова - Владимир Тимофеев Отлас был впервые мною определен еще в 1963 г. И тут же Липинская хвалит Леонтьеву, будто та установила, что у Владимира Отласа была в том городе "русская жена", хотя и тут никаких документальных данных она не приводит и смело утверждает, что Владимир Отлас потому несколько раз ездил в Москву, что он будто бы тогда повез семью. Леонтьева только не учла главного: нам известны маршруты Отласа по Сибири, они проходили далеко от Соли Камской самым удобным и скорым путем. А Липинская спешит "обрадовать": "определены (! - Б.П.) родители землепроходца; показано, что мать его не была якуткой, как сообщалось в некоторых публикациях, а русской женщиной, "законной женой Владимира Отласа". Но только непонятно, почему же Владимир Отлас так и не удостоился за все немалые заслуги до самой своей смерти в июле 1682 г. женатого оклада, когда нередко и иногородним казакам, женатым на русских женщинах, обычно платили женатые оклады, и только тем, у кого жены не были крещеными, в этом отказывали. Поэтому и эта, внешне правдоподобная, фантазия

увы, здесь ничего нового нет. Повторены ошибки Белова об Иване Гольгине и некоторые другие его неточности. Но в нашей книге "Новое об открытии Камчатки" во второй ее части об этом рассказано более подробно.

Шестое "открытие". Нас весьма лицемерно Липинская уверяет (вслед за Леонтьевой), что деятельность Владимира Атласова будто бы "не имела ничего общего с хищническим стремлением к обогащению", хотя вся описанная мною подробная история возвращения Атласова из Москвы в Якутск ясно показывает, каким "лакомым человеком", по словам С.П. Крашенинникова, был он на самом деле. В годы советской власти определенная часть наших историков настолько привыкла лицемерить и откровенно лгать, что кое-кто до сих пор не может отделаться от этой дурной привычки. Столь же лицемерно и фальшиво звучит и так называемое седьмое "открытие". Чисто колониальная политика Атласова трактуется как "умелая и гибкая национальная политика, которая будто бы в книге Леонтьевой "прослежена и доказана" (!).

Согласно восьмому "открытию" Леонтьевой "установлена точная дата присоединения Камчатки, собственноручно зафиксированная землепроходцем на деревянном памятнике-кресте и переведенная автором книги в современное летоисчисление". До сих пор, когда я давал ту же самую датировку, я не знал, что делаю какое-то открытие и считал это обычным актом, строго обязательным для всех серьезных историков.

Девятое "открытие" Леонтьевой: дата "начала становления России" как Тихоокеанской "державы". Оказывается, ученые, проводившие во Владивостоке конференцию, посвященную 300-летию Российского флота, до-

имело кое-либо сопричастие к прозвищу Владимира Тимофеевича. Скорее всего, своим прозвищем он был обязан названию того грубого непромокаемого вошеного холста, из которого простые люди имели свою "спецодежду". Возможно, что на родине семьи Владимира Тимофеевича занимались производством такой одежды". Как не вспомнить А.И. Алексеева, который с немалым aplomb утверждал, что-де простые казаки никак не могли иметь дорогие ткани. Однако в вещах казаков уже в те времена было немало легких шелковых тканей, которые попадали на север из Приамурья и других южных мест. Первые шелковые ткани поступили из Приамурья в Якутск в начале ноября 1645 г., когда туда вернулся Микула Тимофеев, брат второго Тимофеева, погибшего на Зее во время похода Василия Пояркова, и привез своим родственникам Тимофеевым как "статки" брата, так и различные подарки из Приамурья, в том числе и южные ткани. Вероятно, потому один из якутских Тимофеевых получил прозвище Отлас, что был поверстан в казаки. Был ли он уроженцем камского Усоляя, как полагали М. Белов и Г. Леонтьева, пока остается неустановленным. Но на Тихий океан и на Охоту он уже ходил под своим прозвищем Отлас. Все это еще более подрывает доверие сразу ко многим другим домыслам Леонтьевой. Для Москвы Владимир Отлас, получивший хорошее представление о разных южных районах Дальнего Востока, становился хорошим информатором. Поэтому он и был вскоре послан в столицу и туда он поехал кратчайшим путем на большом расстоянии от Соли Камской. Думать, что там была у него молодая русская жена, может только фантазер. А сколько таких домыслов у Леонтьевой от-

других далеких от науки популяризаторов. Ведь давно уже известно, что торговый человек Федот Алексеев Попов умер от голода и цинги на южном берегу Анадырского залива и никогда не бывал в далекой Камчатке. Это надуманную версию одно время в период пресловутой ждановщины пытались возродить старые домыслы о пребывании Федота Алексеева на Камчатке.

В сочинении Леонтьевой вы не найдете никаких данных о роли Михаила Стадухина в открытии Камчатки, но неожиданно узнаете, что Стадухин будто бы лишь в 1657 г. ушел с Анадыря к Охоте. О его реальной роли в открытии Камчатки в сочинении Леонтьевой сведений нет. Трудный вопрос о происхождении названия "Камчатка" Леонтьева предпочла вообще не затрагивать. Очень показательно, что Леонтьева явно умышленно замалчивает о важнейшем открытии второй половины XX в. - находка челюстной Ивана Рубца (подробнее см. в нашей второй части монографии "Новое об открытии Камчатки"). Мои публикации о Рубце, очевидно, сознательно преданы забвению.

Ни слова у Леонтьевой нет и о неудачной попытке Ивана Ермолина пройти на Камчатку по указанию якутского воеводы в 1668 - 1671 гг. Вместо этого Леонтьева самоуверенно заявила: "О каких-нибудь конкретных попытках русских в 60-х - 70-х гг. XVII в. на Камчатку со стороны Анадыря неизвестно. Скорее всего, эти попытки не предпринимались, так как в них не было необходимости" (с. 55). Так нам пытаются навязать версию, что в эти годы будто бы никто из русских на Камчатке не бывал.

Очень хорошо, что Леонтьева заинтересовалась Владимиром Отласом и в от-

* Леонтьева Г.А. Якутский казак Владимир Атласов - первопроходец земли Камчатки. М., 1997. 192 с.